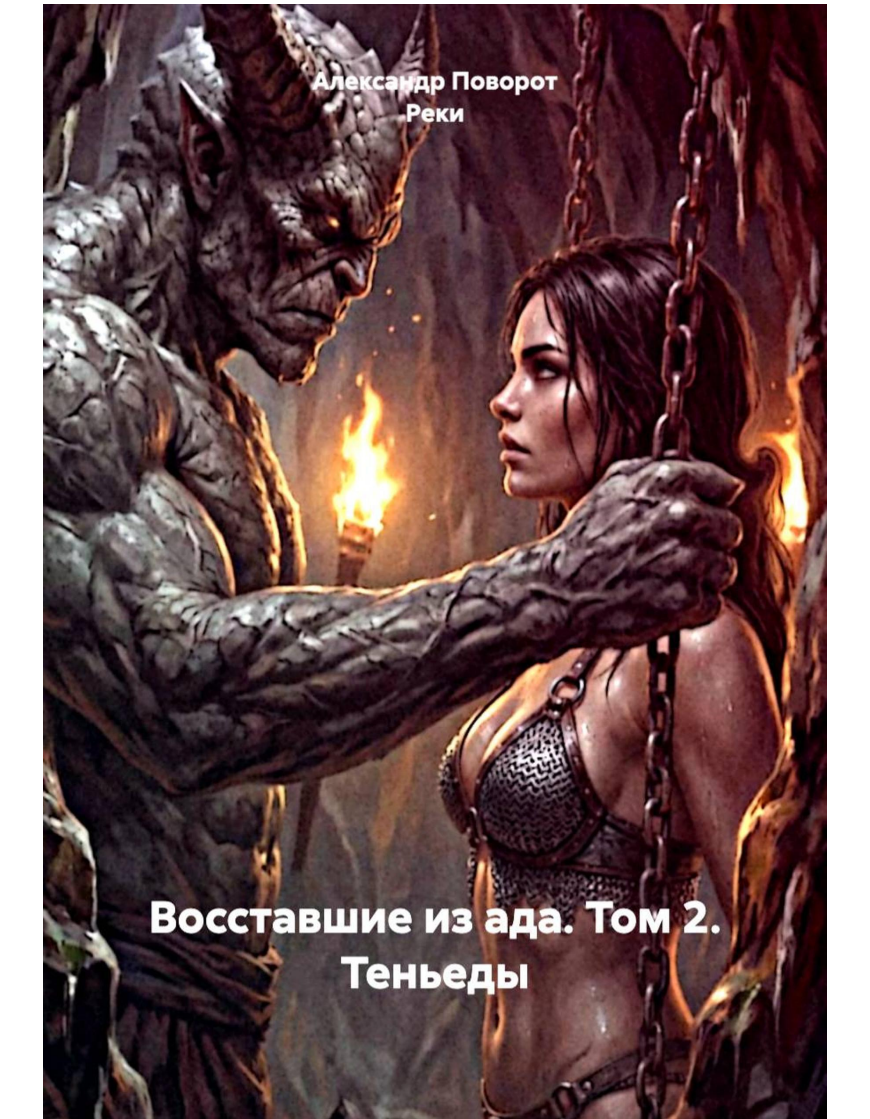

Александр Поворот
Реки

Восставшие из ада. Том 2.
Теньеды

Александр Реки
Восставшие из ада.
Том 2. Теньеды
Серия «Восставшие из ада.», книга 2

*<https://litres.ru/73877833>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Эвелин — охотница на демонов, чья жизнь превращается в кошмар, когда древний паразит-тень проникает в душу её возлюбленного Ивана. Существо, питающееся любовью и памятью, медленно стирает личность, оставляя лишь безупречную, но пустую оболочку. Чтобы спасти его, Эвелин идёт на невозможное: спускается в адские лабиринты и оказывается в мире неоконченных историй, где каждый шаг грозит вечным забвением.

Её единственное оружие — не магия, а воспоминания. Живая, несовершенная любовь, полная шрамов, сомнений и боли. Став якорем для Ивана, она рискует собственной душой, чтобы разорвать петлю судьбы и переписать реальность. Но цена спасения — стёртое прошлое. Узнают ли они друг друга в новом мире? И выдержат ли их чувства, когда древние тени вновь почуют зов?

Это мрачная, пронзительная история о жертве, памяти и связи, которая сильнее хаоса. Откройте её — и шагните за грань, где любовь становится оружием, а прошлое — ключом к будущему.

Содержание

Часть 1.	5
Часть 2.	16
Часть 3.	27
Часть 4.	36
Часть 5.	49
Часть 6.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Поворот Реки

Восставшие из ада.

Том 2. Теньеды

Часть 1.

Я смотрю в его глаза — тёплые, карие, самые обычные, но в этот момент они кажутся мне воротами в бездну, которую я не в силах постичь. И я вижу в них не просто человека. Я вижу в них равного. Того, кто не обладает магией или силой тьмы, но чья вера и любовь оказались прочнее древних скреп, удерживающих мир от распада.

— Ты знал? — тихо спрашиваю я, чувствуя, как к горлу подступает ком, наполненный не слезами, а предчувствием чего-то невыразимо чуждого.

Он кивает. Его улыбка — это островок тепла в океане моего смятения.

— Я догадывался. С того самого момента в парке. Ты не просто светилась. Ты звучала. Как песня, которую никто не может спеть — она витает в воздухе, но её нельзя поймать нотами. Я не знал, кто ты — ангел или демон. Но я знал, что ты — моя.

Его слова проникают в самое сердце, распахивая его, как

дверь, которую я так долго держала запертой. Он не испугался. Он не пытался меня изменить или использовать. Он просто... принял меня. Всю. С тьмой и светом, с моими страхами и силами, с моей уязвимостью и мощью.

Мы поднимаемся в квартиру. Я завариваю свежий чай — аромат мяты и мелиссы наполняет кухню, прогоняя последние следы озонового холода, оставленного вампиром. Он садится за стол, всё ещё немного бледный, но живой, настоящий. Его пальцы слегка дрожат, когда он берёт кружку, но он улыбается мне — слабо, но уверенно.

Я сажусь напротив него и беру его за руку. Его ладонь тёплая, чуть шершавая от мелких мозолей — следы работы, которую он любит.

— Что теперь? — спрашивает он, и в его голосе — не страх, а готовность. Готовность идти дальше, вместе со мной.

Я смотрю на город за окном. Ночь почти закончилась. Небо на востоке начинает светлеть, окрашивая облака в нежные оттенки розового и золотого. Первые лучи солнца пробиваются сквозь туман, зажигая искры на мокрых от дождя крышах.

— Теперь мы живём, — говорю я твёрдо, и каждое слово звучит как обещание. — Мы будем танцевать на этом балансе вместе. Ты — со своей верой и своей любовью. Я — со своей силой и своим равновесием.

Я сжимаю его руку крепче.

— Ты показал мне то, чего не смог показать ни один вам-

пир или ведьма. Ты показал мне, что самая сильная магия — это выбор.

Он подносит мою руку к губам и целует её — нежно, бережно.

— Тогда давай выберем жизнь.

Солнце встаёт над городом. Его первые лучи касаются крыш домов и заливают нашу кухню тёплым светом. И этот рассвет — самый прекрасный из всех возможных начал новой жизни.

Но когда я закрываю глаза перед сном...

Я слышу его. Не стук сердца моего возлюбленного рядом. И не шум города за окном.

Я слышу шёпот.

Он доносится не из-за грани реальности. Он идёт из-под подушки.

Это голос моего парня. Он говорит на языке, которого я не знаю. На языке древних вампиров...

Я вижу его тень на стене. Тень человека. Но тень отбрасывает существо с крыльями. Какой я была наивной, медальон не смог защитить полностью от последствий укуса.

Я сижу на краю кровати, парализованная ужасом куда более глубоким, чем страх смерти. Это экзистенциальный ужас потери того единственного островка нормальности, который я только что обрела. Тень на стене живёт своей жизнью: она пульсирует в такт чему-то иному, её «конечности» извиваются с тошнотворной плавностью дождевых червей во влаж-

ной земле.

Шёпот становится громче. Он больше не похож на человеческую речь; это скрежет гравия по стеклу, смешанный с низким инфразвуковым гулом, от которого вибрируют зубы и темнеет в глазах. Слова складываются в образы-кошмары. «Голод. Пустота. Память о вкусе».

Я медленно поворачиваю голову к кровати.

Он лежит на спине. Его лицо расслаблено во сне — маска покоя. Но веки... Веки подрагивают с частотой, невозможной для человеческого организма. А из-под ресниц пробивается не красный отблеск вампиризма из дешёвых фильмов. Это мертвенное свечение цвета гнилой воды в глубине заброшенного колодца.

Медальон лежит на тумбочке — тусклый кусок металла. Он не справился. Он лишь запер чудовище не снаружи тела, а внутри, превратив моего возлюбленного в клетку для чего-то бесконечно древнего.

Тень на стене издаёт звук — влажный хлюпающий вдох. Существо на стене поворачивает свою безглазую голову в мою сторону. Я знаю: оно видит не меня. Оно смотрит сквозь мою кожу прямо в источник моей магии.

«Ты — равновесие», — шепчет голос в моей голове уже без акцента моего парня. Это чистый поток информации, холодный и хищный. — «А равновесие... это так вкусно».

Внезапно он резко садится на кровати. Его голова поворачивается ко мне с механической плавкостью сломанной ма-

рионетки. Шея издаёт тихий сухой треск ломающихся хрящей. Глаза открыты. Они больше не карие. Зрачки исчезли полностью; радужка затоплена той же болотной зеленью.

Он смотрит на меня. Не сквозь меня. Прямо в душу. И улыбается.

Это не его улыбка — та была тёплой и чуть застенчивой. Уголки губ растянуты слишком широко для человеческого рта, обнажая зубы не в приветствии, а в предвкушении трапезы хищника над пойманной добычей.

— Ты проснулась, — говорит он моим голосом.

Это самое страшное: голос его тембр и интонация — мои собственные.

Он опускает ноги на пол. Движение плавное, лишённое суставов и костей — словно змея перетекает из одной формы в другую. Тень на стене синхронно повторяет позу, но её крылья расправляются во всю ширь окна, заслоняя рассветный свет.

Я кричу в отчаянии: «Любовь моя, вернись!»

Слово «любовь» — это не заклинание, это якорь. Я бросаю его в бездну его глаз, надеясь зацепиться за того, кто там заперт. И выпускаю луч света из своего тёмного сердца.

Это не ослепительная вспышка. Это волна тишины. Она прокатывается по комнате беззвучно, но я чувствую её давление всем телом. Свет не белый, и не золотой. Он цвета старого пергамента и лунного камня — свет памяти и забвения одновременно.

Раздаётся дикий скрежет. Звук такой, будто кто-то проводит когтями по стеклу реальности, оставляя на нём глубокие, рваные царапины. Тень на стене корчится, её щупальца втягиваются обратно в силуэт человека с мучительной неохотой.

Он падает на колени, хватаясь за голову. Его тело бьёт крупная дрожь, как при эпилептическом припадке. Болотная зелень в глазах мерцает, как неисправная лампа, готовая погаснуть. Я вижу, как сквозь его кожу проступает контур его настоящей тени — человеческой, слабой.

— Эвелин... — хрипит он голосом, который больше не мой. В нём слышится боль, бесконечная агония существа, которое насильно выдернули из родной стихии. — Больно... Оно жжёт...

Я бросаюсь к нему, обхватываю его лицо ладонями. Его кожа ледяная.

— Смотри на меня! — кричу я. — Смотри только на меня! Ты здесь! Ты со мной!

Его глаза фокусируются на мне. Зелень отступает, как грязная вода из раковины. Радужка снова становится карей. Человеческой. В них плещется ужас и непонимание.

— Что... что со мной? — шепчет он разбитыми губами.

Я прижимаю его голову к своему плечу, чувствуя, как он дрожит.

— Всё хорошо, — лгу я, глотая слёзы. — Теперь всё будет хорошо.

Но я чувствую это. Под моей ладонью, у него на затылке, кожа странно холодна. И когда я случайно касаюсь его волос... они кажутся... другими. Более жёсткими. Словно конский волос или тонкая проволока.

Я отстраняюсь, пытаюсь скрыть дрожь в руках. Он смотрит на меня с такой надеждой, с такой детской уязвимостью, что у меня перехватывает дыхание.

— Ты спасла меня, — говорит он тихо.

Я киваю, заставляя себя улыбнуться.

— Конечно.

Но мой взгляд падает на его тень на полу. В ярком утреннем свете она кажется абсолютно нормальной. Слишком нормальной? Я моргаю, пытаюсь прогнать наваждение. Наверное, это просто игра света после пережитого стресса.

Он поднимается на ноги, пошатываясь. Его улыбка возвращается — та самая, тёплая и родная.

— Я так хочу кофе, — говорит он почти весело. — У нас есть что-нибудь к завтраку?

Я смотрю на него. На его живое лицо, на его карие глаза. На тень у его ног.

И понимаю страшную истину: битва не выиграна.

Она даже не началась толком.

Потому что теперь я не знаю, где заканчивается он и начинается оно. И что ещё хуже... я не уверена, что хочу это знать.

Я заставляю себя кивнуть, улыбка выходит натянутой, как

трещина на льду.

— Конечно. Я посмотрю, что есть. Мой голос звучит спокойно, даже слишком. Он не должен заметить дрожь в моих пальцах, когда я иду к холодильнику. Каждое моё движение кажется мне оглушительно громким: скрип дверцы, стук пакета молока о столешницу. Я стою к нему спиной, но чувствую его взгляд. Он не просто смотрит — он изучает меня, как энтомолог изучает редкий вид бабочки перед тем, как проткнуть её булавкой.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Его голос раздаётся прямо у меня за спиной, хотя я не слышала шагов.

Я вздрагиваю, едва не выронив чашку. Он стоит слишком близко. Я чувствую его запах — не просто аромат геля для душа, а едва уловимый металлический привкус, как от старой монеты или озона после грозы.

— Да, — выдыхаю я, не оборачиваясь. — Просто устала.

Я наливаю кофе, стараясь не пролить ни капли. Руки трясутся. Я слышу, как он садится за стол. Звук отодвигаемого стула кажется мне скрежетом металла по стеклу.

— Знаешь, — начинает он, и в его тоне появляются странные, певучие интонации, — когда ты использовала ту силу... это было похоже на музыку. На диссонанс, который вдруг разрешился в идеальную гармонию.

Я ставлю чашку перед ним. Наши пальцы соприкасаются. Его кожа всё ещё холодная, но теперь этот холод ощущается иначе. Это не озноб больного человека. Это холод глубокого

космоса, промерзшего камня.

— Я рад, что ты выбрала меня, — шепчет он, и его пальцы сжимают мои чуть крепче, чем нужно.

В этот момент солнечный луч из окна падает прямо на пол, между нами. И я вижу это снова. Его тень на полу... она не двигается вместе с ним. Она замерла, когда он потянулся ко мне, и осталась неподвижной точкой на паркете.

А потом она начинает расти.

Не так, как растёт тень человека, когда он подходит к лампе. Она расползается в стороны бесформенной кляксой, словно капля чернил в воде, поглощая солнечные блики на полу.

Я вырываю руку так резко, что кофе выплёскивается из чашки на стол.

— Осторожно! — вскрикивает он с искренним беспокойством и тут же вскакивает, чтобы найти полотенце.

Тень на полу мгновенно сжимается до нормальных размеров, следуя за его ногами.

Он вытирает стол, его движения быстрые и точные. Слишком точные для обычного человека.

— Прости, я такой неуклюжий с утра.

Он смотрит на меня, и в его глазах мелькает что-то похожее на... вину? Или это очередная маска?

— Ничего страшного, — говорю я тихо. Мой голос звучит глухо, будто из-под воды.

Мы завтракаем в тишине. Я не могу проглотить ни кусоч-

ка. Я наблюдаю за ним. Он ест с аппетитом, пьёт кофе мелкими глотками. Он выглядит абсолютно нормальным. Слишком нормальным после того, что произошло пять минут назад.

Когда он доедает, он смотрит на меня через стол. В его взгляде столько нежности и тепла, что у меня щемит сердце.
— Спасибо тебе. За всё.

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова.

Он встаёт и подходит ко мне. Наклоняется и целует меня в макушку. Это самый нежный жест в мире. Но когда его губы касаются моих волос, я чувствую запах гнили и влажной земли.

— Мне нужно идти на работу, — говорит он. — Сегодня важный день.

Он берёт ключи со стола. Его тень скользит по стене прихожей — идеально ровная, человеческая тень.

Дверь за ним закрывается с мягким щелчком замка.

Я остаюсь одна в звенящей тишине квартиры. Я смотрю на стол. На две чашки кофе. На влажное пятно на столешнице в форме сердца.

И понимаю: я только что выпустила в мир нечто ужасное под личиной моего любимого.

Я бросаюсь к окну. Внизу, на тротуаре, он останавливается на секунду, словно почувствовав мой взгляд. Он поднимает голову и машет мне рукой — так легко и непринуждённо. Но его тень на асфальте... она лежит поперёк дороги. А

солнце светит ему в спину. Тени там быть не должно вовсе.
Она лежит там одна, ожидая его возвращения домой.

Часть 2.

Я замираю у окна, вцепившись пальцами в холодный подоконник. Его тень на асфальте — чёрная, чёткая, неподвижная — лежит под прямым углом к его фигуре. Это нарушает все законы физики, все правила света и тени. Она не просто не на своём месте — она существует отдельно от него, как живое существо, привязанное к земле невидимыми нитями.

Он поворачивает за угол и исчезает из виду. Но тень остаётся.

Она лежит на асфальте ещё несколько секунд, затем медленно, с отвратительной плавностью, начинает двигаться. Не скользит, как обычная тень, а ползёт, как гигантская пиявка, в сторону канализационного люка. И исчезает в щели между крышкой и асфальтом.

У меня перехватывает дыхание. Я отшатываюсь от окна, спина ударяется о стену. Сердце бьётся так громко, что я слышу его стук в висках. Это не просто паразит, не просто сущность, захватившая его тело. Это нечто большее. Это хищник, который научился носить человеческую маску с такой убедительностью, что даже я — хранительница равновесия — почти поверила.

«Почти» — ключевое слово. Потому что я всё ещё чувствую его. Тот холодный металлический привкус в воздухе, который он оставил после себя. Он висит в квартире, как за-

пах грозы перед ураганом.

Я закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться. Моя магия — не огонь и не молния. Она тише, глубже. Это способность видеть связи, баланс, равновесие. И сейчас я вижу разрыв. Тонкую, почти невидимую трещину, которая тянется от меня к нему, как паутина, пропитанная ядом.

Я открываю глаза и иду в спальню. Кровать ещё не заправлена. На простыне остались вмятины от наших тел. Я сажусь на край и кладу ладонь на то место, где он лежал. Холод проникает сквозь ткань, обжигая кожу.

И тут я замечаю кое-что странное.

На белой простыне, прямо там, где была его голова, лежит несколько волосков. Не его обычных тёмно-каштановых волос. Они серебристые, почти прозрачные, тонкие как паутина. И когда я касаюсь их пальцем, они извиваются, словно живые.

Я отдергиваю руку. Волоски замирают, превращаясь в обычные нити. Но я знаю, что видела. Это не галлюцинация. Это след. След того, что живёт внутри него.

Я беру пинцет из ванной комнаты и аккуратно собираю волоски в маленький пластиковый пакетик. Мои руки дрожат, но движения точны. Я должна знать. Я должна понять, с чем имею дело.

С пакетиком в руке я иду в гостиную и сажусь за компьютер. Солнце уже высоко, заливает комнату ярким светом, но от этого только страшнее. Свет не рассеивает ужас — он де-

лает его более отчётливым, как под микроскопом.

Я открываю браузер и начинаю искать. Ключевые слова: «тьнь, отдельно от тела», «паразитические сущности», «древние вампиры, язык». Большинство результатов — это форумы паранормальных явлений, дешёвые городские легенды, статьи сомнительных авторов. Ничего конкретного. Ничего, что могло бы помочь.

Я откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза. Внутри меня поднимается волна отчаяния. Я одна. Совершенно одна. Нет никого, кому я могла бы рассказать об этом. Никого, кто бы поверил. Или, что ещё хуже, поверил бы слишком быстро и попытался бы «исправить» ситуацию самым радикальным способом.

Мои мысли прерывает звонок телефона. Я вздрагиваю, сердце замирает. На экране — его имя. Он звонит.

Я смотрю на телефон, как на змею, готовую укусить. Палец замирает над кнопкой ответа. Что, если это не он? Что, если это оно, научившееся имитировать его голос с идеальной точностью?

Телефон звонит третий раз, затем четвёртый. Я делаю глубокий вдох и беру трубку.

— Привет, — слышу я его голос. Он звучит нормально. Слегка устало, но нормально. — Ты в порядке? Ты выглядела такой расстроенной, когда я уходил.

— Да, — говорю я, заставляя голос звучать ровно. — Просто... не выпалась.

— Понимаю. — В его голосе слышится искреннее сочувствие. — Слушай, у меня сегодня будет долгий день. Возможно, задержусь. Не жди меня к ужину, ладно?

«Не жди меня». Эти слова отзываются в моей груди ледяным эхом. Он не хочет, чтобы я ждала. Или оно не хочет, чтобы я видела что-то?

— Хорошо, — говорю я. — Будь осторожен.

— Всегда, — отвечает он, и в его голосе звучит лёгкая улыбка. — Люблю тебя.

Он вешает трубку. Я сижу с телефоном в руке, слушая гудки. «Люблю тебя». Самые простые слова в мире. И самые страшные в этот момент.

Я кладу телефон на стол и смотрю на пакетик с серебристыми волосками. Они лежат неподвижно, но мне кажется, что я чувствую их вибрацию. Тихий, почти неслышный гул, как от высоковольтной линии.

И тут до меня доходит. Я ищу не там. Интернет не даст мне ответов. Ответы нужно искать в другом месте. В памяти. В моей собственной памяти, которая хранит знания, переданные мне предками-хранителями.

Я закрываю глаза и погружаюсь внутрь себя. Это не медитация. Это погружение в глубины собственного сознания, где хранятся не мои личные воспоминания, а память рода. Память всех хранителей равновесия, которые были до меня.

Темнота. Тишина. Затем — вспышки образов. Древние свитки, написанные на языке, которого уже никто не пом-

нит. Лица моих предков — строгие, мудрые, печальные. И среди этого потока памяти я ищу ключ. Что-то связанное с тенями, с паразитами, с сущностями, которые носят человеческие маски.

И я нахожу.

Обрывок памяти. Моя прабабка, Алиса, стоит в полуразрушенной часовне. Перед ней — мужчина. Его лицо искажено ужасом, а тень на стене... тень живёт своей жизнью, пытаясь оторваться от него, как кожа от ожога.

«Теньеды», — шепчет Алиса в моей памяти. Её голос звучит так близко, будто она стоит рядом. — «Они древнее вампиров. Древнее самой смерти. Они не питаются кровью. Они питаются связями. Любовью. Доверием. Памятью. Они входят через раны в душе и носят своих хозяев, как костюмы, пока не высосут всё, что делает их людьми».

Обрывок памяти исчезает, оставляя после себя ледяной холод в моей груди. Теньеды. Я никогда не слышала этого слова, но теперь оно звучит в моём сознании с абсолютной, ужасающей ясностью.

Я открываю глаза. Комната кажется чужой, враждебной. Каждый предмет, каждая тень выглядит подозрительно. Я встаю и начинаю ходить по квартире, проверяя углы, заглядывая под мебель. Ищу признаки. Следы.

В ванной комнате, на зеркале, я замечаю странный узор из конденсата. Не просто разводы от пара, а чёткие, геометрические формы. Они напоминают руны. Древние, запрет-

ные руны, которые использовались для призывания сущностей из теневых миров.

Я подношу руку к зеркалу, стираю узор ладонью. Стекло холодное, почти ледяное. А под пальцами я чувствую лёгкую вибрацию, как будто зеркало — не просто отражение, а портал, прикрытый тонкой плёнкой реальности.

Я отшатываюсь. Сердце бьётся где-то в горле. Он не просто заражён. Он... изменён. Теньед не просто живёт в нём. Он перестраивает его, подготавливая к чему-то. К чему-то большему, чем просто паразитизм.

Я возвращаюсь в гостиную и сажусь на пол, прислонившись спиной к дивану. Солнце медленно движется по небу, отбрасывая длинные тени по комнате. Я смотрю на них, и каждая кажется мне потенциальной угрозой.

Что мне делать? Как бороться с тем, о чём я почти ничего не знаю? Как спасти его, не уничтожив при этом того, кого я люблю?

Внезапно я вспоминаю кое-что ещё из обрывка памяти. Слово, которое произнесла Алиса перед тем, как память исчезла: «Якорь».

Якорь. Что-то, что удерживает теньеда в реальности. Что-то, что связывает его с жертвой. Если найти якорь и разрушить его...

Но что может быть якорем? Предмет? Место? Чувство? И тут до меня доходит с ледяной ясностью. Якорь — это я. Наша связь. Наша любовь. Именно через меня теньед вошёл

в него. Именно я дала ему точку опоры в этом мире.

Значит, чтобы спасти его, мне нужно разорвать нашу связь. Уничтожить то, что нас соединяет. Убить любовь, которая только что расцвела после стольких лет одиночества.

Слёзы наконец прорываются наружу. Тихие, горькие, бесильные. Я плачу, сидя на полу в луче солнца, и чувствую, как внутри меня что-то ломается. Не просто сердце. Нечто большее. Вера в то, что у меня может быть нормальная жизнь. Надежда на счастье.

Но я не могу позволить себе слабость. Не сейчас. Не когда на кону его жизнь. Его душа.

Я вытираю слёзы и поднимаюсь на ноги. Моё лицо в отражении окна кажется мне чужим — бледным, с красными глазами, но с твёрдым, решительным взглядом.

Хорошо. Если я — якорь, то мне нужно действовать. Но не разрывать связь — это убьёт его. Мне нужно... преобразовать её. Сделать так, чтобы наша связь стала не точкой входа для теньёда, а тюрьмой для него.

Для этого мне понадобится помощь. Знания, которых у меня нет. Инструменты, которых у меня нет.

Я иду в спальню и открываю старый деревянный сундук, который стоит в углу. В нём хранятся реликвии моих предков. Вещи, которые я редко трогаю, потому что каждая из них несёт в себе отголоски прошлого, слишком тяжёлые для обычной жизни.

Я перебираю содержимое: старые книги в кожаном пере-

плёте, свёртки пергамента, странные артефакты из камня и металла. И на самом дне, завернутый в чёрный шёлк, я нахожу то, что искала: зеркало.

Не простое зеркало. Оно сделано из полированного обсидиана, обрамлено серебром с выгравированными рунами. Зеркало Истины. Оно показывает не отражение, а суть. То, что скрыто под масками и иллюзиями.

Я беру его в руки. Оно холодное и невероятно тяжёлое, как будто сделано не из камня, а из сгустка тьмы. Я несу его в гостиную и ставлю на стол, напротив его кресла.

Когда он вернётся, я посмотрю в это зеркало. Я увижу правду. Какую бы ужасную она ни была.

А пока... пока мне нужно подготовиться. Я открываю одну из книг — древний трактат о сущностях из теневых миров. Страницы пожелтели от времени, чернила выцвели, но слова всё ещё читаемы. Я начинаю листать, ища любую информацию о теньях.

И нахожу. Целую главу, посвящённую им. С иллюстрациями, от которых кровь стынет в жилах. Существа, похожие на сгустки тьмы с щупальцами, проникающие в тела людей через глаза, уши, рот. Описание их жизненного цикла. Их слабостей.

И одно предложение выделяется жирным шрифтом: «Теньед может быть изгнан только светом истинной любви, но осторожно — тот же свет может стать для него пищей, если любовь осквернена сомнением».

Я закрываю книгу. Мои руки дрожат. Свет истинной любви. У меня есть это. Было. Но теперь... теперь моя любовь отравлена страхом, сомнением, ужасом. Как я могу использовать её как оружие, если она уже не чиста?

Часы тикают. Время идёт. Солнце клонится к закату, окрашивая комнату в багровые тона. Тени удлиняются, становятся гуще, живее.

Я сижу за столом, перед зеркалом Истины, и жду. Жду его возвращения. Жду confrontation, которая определит всё.

И когда наконец слышу ключ в замке, моё сердце замирает. Дверь открывается. Он входит.

— Я дома, — говорит он обычным, тёплым голосом.

Но я уже смотрю в зеркало. И вижу.

Вижу его. Настоящего его. Его красивую, усталую, человеческую улыбку. А рядом с ним, обвив его, как лиана, — чёрную, пульсирующую массу с десятками щупалец, впившихся в его ауру. Теньеда.

И в зеркале я вижу ещё кое-что. Тонкую серебристую нить, которая тянется от теньеда... ко мне.

Он подходит, наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку. Его губы холодные.

— Что это? — спрашивает он, указывая на зеркало.

Я смотрю ему в глаза. В его карие, тёплые, самые обычные глаза.

— Зеркало, — говорю я тихо. — Просто зеркало.

Но в моём голосе он слышит что-то. Его взгляд становится

пристальным, изучающим.

— С тобой всё в порядке, Эвелин?

Я улыбаюсь. Самая трудная улыбка в моей жизни.

— Всё прекрасно, — лгу я. — Просто ждала тебя.

Он улыбается в ответ, и в его улыбке столько нежности, что у меня сжимается сердце. Он садится рядом, берёт мою руку.

— Я так по тебе скучал.

Его пальцы переплетаются с моими. Его кожа всё ещё холодная, но теперь я знаю почему. Знаю, что под этой кожей, в самом центре его существа, сидит чудовище, которое медленно пожирает его душу.

И знаю ещё кое-что. Знаю, что должна сделать. Несмотря на боль. Несмотря на страх. Несмотря на то, что это может разрушить нас обоих.

Я сжимаю его руку.

— Я тоже по тебе скучала, — говорю я. И это не ложь. Это самая страшная правда.

Потому что я скучала по нему. По тому, кем он был. По тому, кем мы могли бы быть.

А теперь... теперь нам предстоит пройти через ад, чтобы вернуть это. Если вообще возможно.

Ночь опускается на город. В окне зажигаются огни. Мы сидим вместе, держась за руки, и я чувствую, как тень внутри него реагирует на моё прикосновение. Не отталкивается. Притягивается. Как мотылёк к пламени.

И я понимаю: игра началась. И ставка в ней — его жизнь.
Его душа. Наша любовь.

И я не могу проиграть. Даже если для победы мне придётся
сжечь всё, что у меня есть.

Часть 3.

Мы сидим в тишине, и каждый звук кажется мне взрывом. Тиканье часов на стене — это отсчёт времени, которое у нас осталось. Шум машин за окном — далёкий рёв чудовищ из другого мира. Его дыхание рядом — ровное, спокойное, такое человеческое и такое обманчивое.

— Ты сегодня странная, — говорит он наконец, не отпуская мою руку. Его большой палец медленно водит по моей ладони, и от этого прикосновения по спине бегут мурашки. Не от желания. От ужаса. Потому что я чувствую, как через это прикосновение теньед пробует меня на вкус. Как он извлекает мою энергию, мою магию, мою любовь.

— Просто устала, — отвечаю я, и голос звучит хрипло. — День был долгим.

Он кивает, но его глаза не отпускают меня. В них я вижу не просто любопытство. Вижу бдительность хищника, который почуял угрозу. Он знает. Не всё, но что-то. Чувствует, что я изменилась.

— Хочешь чаю? — предлагаю я, пытаюсь разрядить напряжение. Мне нужно отвлечь его. Нужно время, чтобы подумать.

— С радостью, — улыбается он, и эта улыбка всё ещё прекрасна. Всё ещё разбивает мне сердце.

Я встаю, и мои ноги дрожат. Иду на кухню, включаю чай-

ник. Руки автоматически достают чашки, заварку. Но мысли где-то далеко. В книге, которую я только что читала. В тех страшных иллюстрациях. В словах о свете истинной любви.

Как я могу использовать то, что уже отравлено? Как зажечь свет, когда внутри только тьма и сомнения?

Чайник закипает с резким свистом. Я вздрагиваю, проливая кипяток на руку. Боль острая, живая. Хорошая. Она возвращает меня в реальность.

— Всё в порядке? — слышу я его голос из гостиной.

— Да, — кричу я в ответ. — Всё хорошо.

Но это не так. Ничего не хорошо. И не будет, пока я не сделаю то, что должна.

Я несу чашки в гостиную. Он сидит в своём кресле, смотрит в окно. Профиль его лица в сумерках кажется вырезанным из мрамора — совершенным и безжизненным.

— Спасибо, — говорит он, принимая чашку. Наши пальцы соприкасаются, и я чувствую тот же холодный разряд, что и утром. Но теперь я знаю его природу. Это не просто отсутствие тепла. Это активное поглощение энергии. Теньед питается.

Мы пьём чай молча. Каждый глоток для меня — испытание. Я должна вести себя нормально. Должна играть роль любящей женщины, которая ничего не подозревает. Но каждая клетка моего тела кричит об опасности.

— Эвелин, — говорит он вдруг, ставя чашку на стол. — Мы должны поговорить.

Лёд пробегает по моей спине. «Нет, — думаю я. — Не сейчас. Я ещё не готова».

— О чём? — спрашиваю я, и мой голос звучит слишком высоко.

Он смотрит на меня, и в его глазах я вижу странную смесь эмоций. Нежность. Боль. И что-то ещё... что-то древнее и бездонное, что не принадлежит ему.

— Я чувствую, что, между нами, что-то изменилось, — говорит он тихо. — Ты отдаляешься. И я не понимаю почему.

Его слова — идеальная ловушка. Потому что они правдивы. Потому что они исходят от него, от настоящего него. От той части, которая ещё не полностью поглощена.

Слёзы подступают к моим глазам. Я отворачиваюсь, чтобы он не увидел.

— Ничего не изменилось, — лгу я. — Просто... тяжёлое время.

Он встаёт, подходит ко мне. Опускается на колени перед моим креслом, берёт мои руки в свои. Его прикосновение должно быть утешением. Но оно мучительно.

— Я люблю тебя, — говорит он, и в его голосе столько искренности, что мне хочется закричать. — Что бы ни случилось, я всегда буду любить тебя. Ты знаешь это, да?

Я смотрю ему в глаза и вижу в них отражение той женщины, которой я была всего сутки назад. Счастливой. Наивной. Не знающей, что любовь может быть таким оружием.

— Я знаю, — шепчу я. — И я люблю тебя. Больше всего на свете.

И это правда. Страшная, ужасающая правда. Потому что именно моя любовь держит дверь открытой для теньеда. Именно она — якорь, который не даёт ему уплыть в небытие, но и не даёт мне его уничтожить.

Он улыбается, и в этой улыбке столько облегчения, что мне становится плохо. Он думает, что всё наладилось. Что я просто переживаю какой-то кризис. Он не знает, что я вижу чудовище, обвившее его душу.

— Хочешь лечь спать пораньше? — предлагает он. — Ты выглядишь измотанной.

Мысль лечь рядом с ним, притворяться спящей, пока теньед пирует его энергией... Нет. Я не вынесу этого.

— Я.... я ещё посижу немного, — говорю я. — Хочу закончить кое-какую работу.

Он кивает, целует меня в лоб. Его губы холодные, как мрамор.

— Не засиживайся допоздна, — говорит он, и идёт в спальню.

Я остаюсь одна в гостиной. Сумерки сгущаются в настоящую ночь. Я не включаю свет. Сажу в темноте и смотрю на дверь в спальню, за которой он, мой любимый, постепенно превращается в нечто иное.

Проходит час. Два. В квартире тихо, только слышно его ровное дыхание из спальни. Я встаю, подхожу к зеркалу Ис-

тины. Беру его в руки. Оно тяжёлое, холодное, живое.

Я направляю зеркало на дверь спальни. И вижу.

Теньед вырос. Он уже не просто обвивает его ауру. Он проник внутрь. Тонкие чёрные щупальца опутали каждый энергетический канал, каждый центр силы. Они пульсируют, высасывая из него жизнь, но так медленно, так осторожно, что он даже не чувствует этого.

И я вижу ещё кое-что. Тонкую серебристую нить, которая тянется от теньеда не только ко мне, но и куда-то за пределы квартиры. В город. В ночь. К чему-то большему.

У меня перехватывает дыхание. Это не один теньед. Их больше. Они связаны. Это сеть. И он — только один из узлов.

Я опускаю зеркало. Руки дрожат так сильно, что я едва удерживаю его. Это хуже, чем я думала. Гораздо хуже.

Мне нужно действовать. Сейчас. Пока не поздно.

Я иду в спальню на цыпочках. Он спит. Его лицо в лунном свете кажется мирным, почти детским. Я стою над ним, смотрю на него, и любовь поднимается во мне такой волной, что я готова забыть обо всём. Забыть о теньеде, об опасности, о своём долге. Просто лечь рядом и притвориться, что ничего не случилось.

Но я не могу. Потому что, если я это сделаю, он умрёт. Медленно, мучительно. И станет не просто трупом. Станет сосудом для теньеда. Марионеткой, которая будет ходить и говорить, и улыбаться, но внутри будет только пустота и тьма.

Я опускаюсь на колени рядом с кроватью. Кладу руку на его грудь. Чувствую биение его сердца. Оно бьётся ровно, сильно. Он жив. Настоящий он. Где-то там, под слоями тьмы, он всё ещё жив.

— Прости меня, — шепчу я так тихо, что это почти мысль.
— Прости за то, что я должна сделать.

Я закрываю глаза и начинаю. Не магию в обычном понимании. Не заклинания и не ритуалы. Я обращаюсь внутрь себя. К тому самому свету истинной любви, о котором говорилось в книге.

Он там. Глубоко. Под слоями страха, сомнений, ужаса. Маленькое, хрупкое пламя, но оно всё ещё горит. Любовь к нему. Не к тому, кем он стал. К тому, кем он был. К тому, кем он мог бы быть.

Я раздуваю это пламя. Вспоминаю каждый момент нашего счастья. Первую встречу. Первое прикосновение. Первое «я люблю тебя», сказанное шёпотом в темноте. Смех за завтраком. Споры о книгах. Молчаливое понимание, когда слова были не нужны.

Пламя растёт. Становится ярче, теплее. Оно заполняет меня, вытесняя страх. Вытесняя сомнения. На мгновение я снова та женщина — счастливая, любящая, цельная.

И в этот момент я направляю этот свет на него. Не атаку. Не изгнание. Любовь. Чистую, безоговорочную любовь.

Он вздрагивает во сне. Его лицо искажается гримасой боли. Не физической. Глубинной, душевной.

— Нет... — шепчет он сквозь сон. — Пожалуйста, нет...

Я чувствую, как теньед внутри него реагирует. Он сжимается, как существо, внезапно оказавшееся на свету. Щупальца дёргаются, пытаюсь вцепиться крепче. Но свет любви обжигает их. Заставляет отступить.

Но ненадолго.

Потому что теньед — древний. Хитрый. Он знает слабости своей жертвы. Знает мои слабости.

И он контратакует.

Не через магию. Через память. Через любовь.

В моём сознании всплывают образы. Не наши счастливые моменты. Другие. Те, что я старалась забыть.

Его бывшая. Та, которую он любил до меня. Красивая, умная, совершенная во всём. И его слова, сказанные однажды в пьяном откровении: «Иногда мне кажется, что я никогда не смогу любить так сильно, как любил её».

Боль. Острая, режущая. Пламя любви во мне колеблется. Гаснет на мгновение.

Теньед использует эту слабинку. Он впрыскивает в мой разум новые образы. Страхи, которые я лелеяла в самые тёмные ночи. Что он уйдёт. Что я недостаточно хороша. Что наша любовь — ошибка, временное заблуждение.

Свет гаснет. Теньед торжествует. Я чувствую, как он снова укрепляет свои позиции, как его щупальца глубже впиваются в энергетическое тело моего любимого.

Я отшатываюсь, падаю на пол. Слёзы текут по моему ли-

цу беззвучно. Я проиграла. Моя собственная любовь оказалась недостаточно сильной. Мои собственные сомнения стали оружием против меня.

Он просыпается.

— Эвелин? — его голос сонный, обеспокоенный. — Что случилось? Почему ты плачешь?

Он садится на кровати, смотрит на меня, сидящую на полу в луже лунного света. В его глазах — искреннее беспокойство. Настоящее. Человеческое.

И в этот момент я понимаю свою ошибку. Я пыталась использовать любовь как оружие. Но любовь — не оружие. Она — щит. Она — связь. Она — то, что держит нас вместе, даже когда всё остальное рушится.

Я поднимаюсь на ноги. Подхожу к кровати. Сажусь рядом с ним.

— Мне приснился кошмар, — говорю я, и это не совсем ложь. — Страшный кошмар.

Он обнимает меня. Прижимает к себе. Его тело всё ещё холодное, но в этом объятии есть что-то настоящее. Что-то, что пробивается сквозь слои тьмы.

— Всё в порядке, — шепчет он мне в волосы. — Я здесь. Я с тобой.

И я верю ему. Верю той части его, которая ещё осталась. Верю нашей любви, какой бы хрупкой она ни была.

Мы ложимся вместе. Он обнимает меня сзади, его рука лежит на моём животе. Его дыхание щекочет мне шею.

— Я люблю тебя, — говорит он сонно. — Никогда не забывай этого.

— Я люблю тебя, — отвечаю я. — Всегда.

И засыпаю. Но не сдаюсь. Потому что теперь я знаю, что делать. Не бороться с теньедом. Не пытаться изгнать его силой. А укрепить то, что он пытается уничтожить. Нашу связь. Нашу любовь. Сделать её настолько сильной, чистой, яркой, что она станет для него не пищей, а ядом.

Это будет долгая война. Битва за каждую частичку его души. И я могу проиграть. Могу потерять всё.

Но я буду сражаться. До конца.

Потому что он того стоит. Потому что наша любовь того стоит.

И где-то в глубине ночи, пока мы спим, обнявшись, теньед внутри него шевелится. Беспокойно. Потому что он почувствовал нечто новое. Не страх. Не сомнение.

Надежду.

А надежда, как известно, опаснее любого оружия.

Часть 4.

На следующее утро всё кажется нормальным. Слишком нормальным.

Он готовит завтрак — омлет с грибами, его фирменное блюдо. Кофе пахнет так, как всегда. Солнце светит в окно, заливая кухню тёплым светом. Он улыбается, шутит, рассказывает о планах на день.

Я сижу за столом и смотрю на него, и мне кажется, что вчерашняя ночь была просто кошмаром. Может, я сошла с ума? Может, книга, зеркало — всё это плод моего воображения, порождённого стрессом и усталостью?

— Ты сегодня опять какая-то задумчивая, — говорит он, ставя передо мной тарелку. — Всё ещё не выпалась?

— Немного, — отвечаю я, заставляя себя улыбнуться. — Спасибо за завтрак.

Он садится напротив, и в этот момент я замечаю кое-что. На его левом запястье, там, где обычно ничего не было, теперь виднеется странная отметина. Не синяк, не царапина. Что-то вроде бледного, едва заметного узора, напоминающего переплетённые ветви.

— Что это у тебя на руке? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

Он смотрит на запястье, хмурится.

— Не знаю. Наверное, во сне придавил. Или аллергия на

что-то.

Но это не похоже ни на то, ни на другое. Узор слишком правильный, слишком сложный. И он пульсирует. Слабо, почти незаметно, но пульсирует в такт его сердцебиению.

Я отвожу взгляд, чтобы не выдать своего волнения. Это метка. Знак того, что теньед укрепляется. Что процесс идёт быстрее, чем я думала.

— Сегодня вечером у меня встреча, — говорит он вдруг, отпивая кофе. — С коллегами. Вернусь поздно, не жди.

Обычно я бы не придавала этому значения. У него действительно бывают рабочие встречи по вечерам. Но сейчас... сейчас каждое слово кажется подозрительным.

— Хорошо, — говорю я. — Будь осторожен.

Он улыбается, целует меня в лоб, и уходит. Я остаюсь одна в квартире, которая внезапно кажется слишком большой, слишком тихой.

Мне нужно действовать. Но как? Куда идти? К кому обратиться?

И тут я вспоминаю о книге. О магазине, где я её купила. «Забытые страницы» — странное место с ещё более странным владельцем. Может, он знает что-то? Может, сможет помочь?

Я быстро одеваюсь, беру книгу и зеркало, и выхожу из дома. Улицы заполнены людьми, но я почти не замечаю их. Мысли крутятся вокруг одного: как спасти его. Как спасти нас.

Магазин находится в старом районе, в переулке, куда редко заходят туристы. Вывеска почти нечитаема от времени. Дверь скрипит, когда я вхожу внутрь.

Внутри пахнет старыми книгами, пылью и чем-то ещё... чем-то сладковатым и неприятным. Владелец, тот самый пожилой мужчина с пронзительными глазами, сидит за прилавком и читает какую-то огромную книгу.

— А, — говорит он, не поднимая глаз. — Вернулась. Я знал, что вернёшься.

— Вы знали? — спрашиваю я, подходя к прилавку.

Он наконец смотрит на меня. Его глаза кажутся ещё более пронзительными, чем в прошлый раз.

— Книга сама выбирает читателей. А зеркало — тех, кто готов видеть правду. Ты купила и то, и другое. Значит, ты готова.

— Готова к чему? — голос у меня дрожит.

— К войне, — отвечает он просто. — К войне, которая идёт дольше, чем существует человечество. Между светом и тьмой. Между любовью и пустотой.

Он встаёт, обходит прилавок. Подходит так близко, что я чувствую запах его дыхания — старые книги и полынь.

— Теньед, — говорю я тихо. — Он в нём.

Старик кивает, как будто я сказала нечто очевидное.

— Да. И не только в нём. Их становится всё больше. Они пробуждаются.

— Почему? Зачем?

— Потому что мир становится слабее, — говорит он, возвращаясь за прилавок. — Люди забывают, как любить по-настоящему. Как чувствовать глубоко. Как жертвовать. А те, нуды питаются именно этим — поверхностными эмоциями, мимолётными страстями, эгоистичной любовью. Чем больше таких отношений, тем сильнее они становятся.

Он достаёт из-под прилавка ещё одну книгу. Тонкую, в чёрной коже, без названия на обложке.

— Возьми. Здесь написано, как с ними бороться. Но предупреждаю — это не инструкция. Это история. История тех, кто пытался до тебя. И большинство из них проиграли.

Я беру книгу. Она холодная, почти ледяная.

— Почему вы помогаете мне? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня долго, и в его глазах появляется что-то похожее на жалость.

— Потому что у тебя есть шанс. Маленький, но есть. Ты любишь его не просто как женщина любит мужчину. Ты любишь его душу. А это редкая вещь в наше время. Настолько редкая, что за неё стоит бороться.

Я благодарю его и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— И ещё одно, — говорит он мне вслед. — Будь осторожна с зеркалом. Оно показывает правду, но правда может быть опасна. Особенно когда ты к ней не готова.

Я выхожу из магазина, и дверь закрывается за мной с тихим щелчком. На улице светит солнце, но мне холодно. Я закутываюсь в пальто и иду домой, крепко прижимая к груди

книги и зеркало.

Дома я открываю новую книгу. Страницы исписаны мелким, почти нечитаемым почерком. Но я понимаю каждое слово. Потому что это не просто текст. Это крики. Мольбы. Предсмертные записи тех, кто столкнулся с тем же, что и я.

Одна история особенно привлекает моё внимание. Женщина по имени Лилия. Она жила триста лет назад. Её возлюбленного тоже поразила теньед. Она боролась. Использовала все известные ей методы. И почти победила.

Почти.

Потому что в последний момент она совершила ошибку. Она попыталась изгнать теньеда силой. И теньед, чувствуя угрозу, не просто убил её возлюбленного. Он полностью поглотил его душу, превратив в пустую оболочку, которая ходила, говорила, улыбалась, но внутри не было ничего. Абсолютно ничего.

Лилия сошла с ума. Она провела остаток жизни рядом с этой оболочкой, притворяясь, что всё в порядке. Что он всё ещё с ней.

Я закрываю книгу. Руки дрожат. Страх сжимает горло.

Но вместе со страхом приходит и понимание. Я не могу бороться с теньедом напрямую. Я должна быть умнее. Хитрее.

Я беру зеркало Истины. Смотрю в него. Вижу не отражение комнаты. Вижу энергетические потоки, пронизывающие всё вокруг. Вижу тонкие серебристые нити, тянущиеся из на-

шей квартиры в разные стороны города.

И вижу одну нить особенно яркую. Она тянется не просто куда-то. Она тянется к конкретному месту. К старому зданию в центре города, которое я узнаю. Это бывший храм, теперь превращённый в художественную галерею.

Там что-то есть. Что-то важное.

Я решаю пойти туда. Сейчас. Пока его нет дома.

Галерея называется «Вечность». Внутри просторные залы с высокими потолками, на стенах — современное искусство, которое я никогда не понимала. Посетителей мало — пара туристов с гидом, несколько студентов с блокнотами.

Я иду по залам, держа зеркало в кармане пальто. Оно вибрирует, становится теплее по мере того, как я приближаюсь к чему-то.

И вот я в последнем зале. Здесь выставлена только одна работа. Огромное полотно, почти во всю стену. На нём изображён лес ночью. Но не обычный лес. Деревья изогнуты в неестественных позах, между ними мелькают тени, которые кажутся живыми. И в центре — фигура человека. Его лицо размыто, но поза выражает такую тоску, такое одиночество, что у меня сжимается сердце.

Я подхожу ближе. Зеркало в кармане теперь почти горячее. Я достаю его, направляю на картину.

И вижу.

Картина — не просто картина. Это портал. Тонкая, почти незаметная щель между мирами. И через эту щель в наш мир

просачиваются теньеды. Медленно, по капле, но постоянно.

И я вижу ещё кое-что. Возле картины стоит человек. Молодой мужчина, одетый в чёрное. Он смотрит не на картину, а в пространство перед ней. И в его глазах... пустота. Та самая пустота, которую я видела в зеркале, когда смотрела на своего любимого.

Он — один из них. Уже полностью поглощённый.

Я отступаю, пытаюсь не выдать своего ужаса. Но он уже заметил меня. Поворачивает голову. Смотрит на меня. И улыбается. Улыбка безжизненная, механическая.

— Вы восхищаетесь работой? — спрашивает он. Голос ровный, без эмоций.

— Да, — выдавливаю я. — Она... впечатляющая.

— Художник уловил самую суть, — говорит он, приближаясь. — Одиночество. Тоску по чему-то, что было утрачено. По связи, которая больше не существует.

Он стоит так близко, что я чувствую холод, исходящий от него. Такой же холод, как от моего любимого.

— Вы часто здесь бываете? — спрашиваю я, пытаюсь отвлечь его.

— Часто, — отвечает он. — Я... присматриваю за работой. Убеждаюсь, что она в безопасности.

Его слова звучат невинно, но за ними скрывается угроза. Он знает, что я не просто посетитель. Чувствует, что я что-то понимаю.

— Мне пора, — говорю я, отступая к выходу.

— Конечно, — улыбается он снова. — Приходите ещё. Картина всегда рада зрителям, которые... понимают.

Я выхожу из галереи, и только на улице понимаю, что вся дрожу. От страха. От осознания масштаба происходящего.

Это не один тенъед. Это система. Сеть. И картина — один из узлов. Возможно, не единственный.

Я возвращаюсь домой. Сажусь на диван в гостиной. Смотрю на часы. До его возвращения ещё несколько часов.

Мне нужно думать. Планировать. Но мысли путаются, страх парализует.

И тут раздаётся звонок в дверь.

Я вздрагиваю. Не жду никого. Подхожу к двери, смотрю в глазок.

На пороге стоит женщина. Молодая, красивая, с умными глазами. Одета скромно, но со вкусом. В руках у неё папка.

Я открываю дверь.

— Здравствуйте, — говорит она. — Извините за беспокойство. Меня зовут Алиса. Я... я ищу Эвелин.

— Это я, — отвечаю я, настороженно.

Она смотрит на меня, и в её глазах я вижу не просто вежливый интерес. Вижу понимание. Сочувствие. И что-то ещё... что-то знакомое.

— Мы должны поговорить, — говорит она тихо. — О нём. О том, что с ним происходит.

Лёд пробегает по моей спине. Как она знает? Кто она?

— Войдите, — говорю я, отступая.

Она заходит, я закрываю дверь. Она осматривается, и её взгляд останавливается на книгах, лежащих на столе. На зеркале рядом с ними.

— У вас уже есть инструменты, — говорит она. — Хорошо. Это облегчит объяснение.

— Кто вы? — спрашиваю я прямо.

Она садится на диван, кладёт папку на стол.

— Я такая же, как вы. Точнее, была. Моего мужа тоже поразила теньед. Три года назад.

Я сажусь напротив неё, не веря своим ушам.

— И.... что случилось?

Она опускает глаза. Её лицо искажается от боли.

— Я проиграла. Он... он стал пустым. Ходит, говорит, даже работает. Но внутри ничего нет. Я живу с этой оболочкой уже три года. Притворяюсь, что всё в порядке. Что мы счастливы.

Слёзы наворачиваются на мои глаза. История Лилии повторяется. Прямо здесь, прямо сейчас.

— Но почему вы пришли ко мне? — спрашиваю я.

— Потому что у вас есть шанс, — говорит она, поднимая на меня глаза. В них горит странный огонь — смесь отчаяния и надежды. — Я следила за вами. Видела, как вы купили книгу и зеркало. Видела, как вы ходили в галерею. Вы не сдаётесь. Вы боретесь. И у вас есть то, чего не было у меня.

— Что?

— Чистая любовь, — говорит она просто. — Не эгоистич-

ная. Не собственническая. Любовь, которая готова пожертвовать всем, даже собой, ради его спасения. У меня такой не было. Я любила его, но... я хотела, чтобы он был моим. Чтобы он принадлежал мне. И теньед использовал это. Использовал мою ревность, мои страхи.

Она открывает папку. Внутри — фотографии, записи, схемы.

— Я три года собирала информацию. Искала других, таких же, как мы. Изучала теньедов. И я кое-что узнала. Важное.

Она достаёт одну из фотографий. На ней — группа людей. Мужчины и женщины, все молодые, красивые. Они стоят перед той самой картиной в галерее. И у всех на лицах — одинаковые, безжизненные улыбки.

— Это они, — говорит Алиса. — Уже полностью поглощённые. Они образуют круг. Сеть. Каждый новый поглощённый усиливает сеть. Делает её стабильнее.

— Зачем? — спрашиваю я. — Какова их цель?

Алиса смотрит на меня, и в её глазах появляется настоящий ужас.

— Они готовят открытие. Большой портал. Не щель, как та картина. Настоящий, огромный портал. Через который в наш мир войдёт не просто несколько теньедов. Их повелитель. Существо, которое существует между мирами и питается не просто эмоциями, а самими душами.

У меня перехватывает дыхание.

— И когда это случится?

— Скоро, — шепчет Алиса. — Очень скоро. И ваш возлюбленный... он ключевая фигура. Не просто очередная жертва. Его выбрали специально. Потому что у него особенная душа. Чистая, светлая, сильная. Идеальная проводник для такого существа.

Я вскакиваю с дивана. Не могу сидеть. Не могу дышать.

— Нет, — шепчу я. — Нет, этого не может быть.

— Может, — говорит Алиса спокойно, но в её голосе слышится отчаяние. — И будет. Если мы не остановим это.

— Мы? — переспрашиваю я.

Она кивает.

— Я не могу спасти своего. Но могу помочь спасти твоего. И, возможно, остановить их. Разрушить сеть. Закрыть портал.

Она достаёт из папки схему. На ней изображён город, а в разных точках — светящиеся точки. Одна из точек — наша квартира. Другая — галерея. Ещё несколько — в других частях города.

— Это узлы сети, — объясняет она. — Каждый узел — это поглощённый человек. Ваш возлюбленный — центральный узел. Самый важный. Если мы разрушим периферийные узлы, центральный ослабнет. И тогда... тогда у нас будет шанс.

— Как разрушить? — спрашиваю я, хотя боюсь услышать ответ.

Алиса смотрит на меня долго, и в её глазах появляется

что-то твёрдое, решительное.

— Есть только один способ полностью уничтожить теньеда в уже поглощённом человеке. Освободить душу, которую он держит в плену.

— Как?

— Любовью, — говорит она. — Но не любой любовью. Жертвенной любовью. Той, что готова отдать всё. Даже собственную жизнь.

Я молчу. Потому что понимаю, что она имеет в виду. Чтобы освободить душу из плена теньеда, нужно предложить ему замену. Свою собственную душу. Свою любовь. Свою жизнь.

— Я... я не знаю, смогу ли, — шепчу я.

Алиса встаёт, подходит ко мне. Берёт мои руки в свои. Её руки тёплые, живые.

— Я знаю, что это страшно. Знаю, что это кажется невозможным. Но у тебя есть то, чего не было у меня. У тебя есть настоящая любовь. Та, что сильнее страха смерти. Та, что готова на всё.

Она отпускает мои руки, возвращается к столу, собирает свои бумаги.

— Я дам тебе время подумать. Но не много. У нас, возможно, есть всего несколько дней. Может, часов.

Она кладёт на стол визитку. На ней только номер телефона.

— Позвони, когда решишь. Или... когда будет уже поздно

решать.

Она уходит. Я остаюсь одна. Смотрю на визитку. На книги. На зеркало.

Часы тикают. Время идёт. А где-то там, в городе, мой любимый на встрече, которая, возможно, не имеет ничего общего с работой. Где-то там теньед внутри него укрепляется, готовясь стать проводником для чего-то ужасного.

И я должна решить. Сейчас. Пока не поздно.

Пожертвовать собой, чтобы спасти его? Или попытаться бороться другим способом, рискуя проиграть и потерять всё?

Я подхожу к окну. Смотрю на город, залитый вечерними огнями. Где-то там люди живут своей обычной жизнью. Не знают, что под поверхностью реальности идёт война. Что их мир висит на волоске.

И где-то там он. Мой любимый. Тот, ради кого я готова на всё.

Даже на смерть.

Я беру визитку. Набираю номер.

— Алло? — слышу я голос Алисы.

— Я согласна, — говорю я, и мой голос звучит твёрдо, уверенно. — Что мне делать?

На другом конце провода наступает пауза.

— Хорошо, — говорит Алиса наконец. — Слушай внимательно. У нас есть план...

Часть 5.

Голос Алисы в трубке звучал как голос из другого мира — чёткий, холодный, лишённый колебаний.

«Завтра в полночь. Галерея закрывается в одиннадцать, но у меня есть ключ. Мы встретимся у служебного входа в 23:30. Принеси зеркало и книгу. И.... будь готова».

Я положила трубку, и тишина квартиры обрушилась на меня с новой силой. Каждая секунда отсчитывала время до того момента, когда я должна буду сделать выбор, который не оставит пути назад.

Но сначала нужно было пережить эту ночь. Его возвращение.

Он пришёл поздно, пахнущий ночным городом — холодом, выхлопными газами и чем-то ещё... сладковатым, приторным запахом, который заставил меня содрогнуться.

«Всё хорошо?» — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

«Замечательно», — улыбнулся он, но улыбка не дошла до глаз. В них плавала усталость, а под ней — что-то неосознанное, тревожное. «Коллеги затянули обсуждение нового проекта. Извини, что так поздно».

Он прошёл в спальню, снял пиджак. И в свете лампы я снова увидела тот узор на запястье. Теперь он был чётче. Ветви стали сложнее, словно корневая система, прорастаю-

щая под кожей.

«Что это?» — не удержалась я.

Он посмотрел на руку, провёл пальцами по узору. «Странно. Кажется, стало больше. Наверное, действительно аллергия. Завтра схожу к дерматологу».

Но мы оба знали, что к дерматологу он не пойдёт. Потому что это не болезнь кожи. Это метка. Печать.

Он принял душ, и я слышала, как вода шумит за дверью. Стояла у окна, смотрела на ночной город, и мысли кружились как осенние листья в вихре.

Что, если Алиса — часть ловушки? Что, если это проверка? Или, что ещё страшнее, что если она права, и завтра мне действительно придётся сделать то, о чём я даже думать боюсь?

Он вышел из ванной в облаке пара. Полотенце на бёдрах, волосы мокрые. В свете ночника его тело казалось высеченным из мрамора — совершенные линии, знакомые до боли изгибы. Я смотрела на него, и любовь поднималась во мне такой волной, что перехватило дыхание.

«Что случилось?» — спросил он тихо, подходя ближе.

«Ничего, — прошептала я. — Просто... смотрю на тебя».

Он улыбнулся, и на мгновение в его глазах вспыхнуло что-то настоящее. То самое, что я так любила. Искренность. Нежность. Человечность.

«Я тоже люблю смотреть на тебя», — сказал он, и его голос прозвучал так, будто он сам удивился этим словам.

Он протянул руку, коснулся моего лица. Его пальцы были тёплыми от душа, но под этой теплотой я чувствовала холодную глубину. Как будто я касалась не его, а чего-то, что притворяется им.

«Знаешь, — сказал он вдруг, — сегодня на встрече было странно. Я смотрел на всех этих людей, слушал их разговоры о деньгах, контрактах, прибыли. И вдруг подумал: а зачем всё это? Что действительно важно?»

Я замерла. Это был он. Настоящий. Пробивающийся сквозь слои тьмы.

«И что же?» — спросила я, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот момент.

«Ты, — сказал он просто. — Только ты. Всё остальное — пыль».

Слёзы выступили у меня на глазах. Он увидел их, улыбнулся грустно.

«Не плачь. Всё в порядке».

«Нет, — выдохнула я. — Всё не в порядке. И ты это знаешь».

Тень пробежала по его лицу. Не теньед. Его собственная тень. Осознание того, что что-то не так. Что он теряет себя.

«Иногда мне кажется, что я смотрю на мир сквозь толстое стекло, — прошептал он. — Всё видно, но ничего не чувствуется. Как будто эмоции приглушены. Даже... даже когда я с тобой».

Он говорил это с таким недоумением, с такой болью, что

мне захотелось обнять его и никогда не отпускать. Сказать правду. Всю правду.

Но я не могла. Потому что правда могла убить то немногое, что ещё оставалось от него.

«Это пройдёт, — солгала я. — Просто усталость. Стресс».

Он кивнул, но не выглядел убеждённым. «Наверное».

Мы легли спать. Он обнял меня сзади, как всегда. Его дыхание на моей шее, рука на животе. Всё как всегда. И всё не так.

Я не спала. Лежала с открытыми глазами, слушала его дыхание, чувствовала холод, исходящий от него. И думала. О завтрашнем дне. О полуночи. О выборе.

Под утро мне приснился сон.

Я стояла на краю пропасти. Глубокой, тёмной, бездонной. На другом краю стоял он. Улыбался. Протягивал руку.

«Прыгай, — говорил он. — Доверься мне».

А вокруг, в тених, шевелились теньеды. Сотни, тысячи. Они ждали. Ждали, когда я сделаю шаг.

Я проснулась в холодном поту. Рядом он спал, лицо мирное. На запястье узор пульсировал слабым синим светом.

День прошёл в странном оцепенении. Он ушёл на работу, сказав, что вернётся к ужину. Я осталась дома, но не могла ни есть, ни читать, ни думать. Просто ходила из комнаты в комнату, касалась вещей, которые стали свидетелями нашей любви. Фотографии на полке. Его любимая кружка. Книга, которую мы читали вместе, оставив закладки на одних и тех

же страницах.

Каждый предмет был якорем, державшим меня в реальности. В той реальности, где мы были счастливы. Где будущее казалось бесконечным и светлым.

Вечером он вернулся раньше, чем обещал. Принёс цветы — белые лилии, мои любимые.

«Просто, потому что», — сказал он, целуя меня в щёку.

Я поставила цветы в вазу, и их тяжёлый, сладкий аромат заполнил кухню. За ужином он рассказывал о работе, смеялся, шутил. И я ловила себя на том, что отвечаю, улыбаюсь, делаю вид, что всё нормально. Как будто это не последний ужин. Как будто завтра наступит обычный день.

Но когда он помыл посуду и пошёл смотреть телевизор, я поднялась в спальню. Открыла шкаф. Достала чёрное платье — простое, элегантное. То, в котором он сказал, что я похожа на звёздную ночь.

Надела его. Посмотрела в зеркало. Женщина, которая смотрела на меня, была незнакомкой. Глаза слишком большие, слишком тёмные. Лицо бледное. Руки дрожали.

Я спустилась вниз. Он сидел на диване, смотрел какой-то документальный фильм. Увидев меня, выключил телевизор.

«Куда это ты так нарядилась?» — спросил он, улыбаясь.

«Просто... захотелось», — сказала я. «Помнишь, как мы ходили в тот ресторан? Где играл живой джаз?»

«Конечно помню. Ты танцевала, и все смотрели только на тебя».

«Станцуем?» — предложила я неожиданно для себя. Он поднял брови, потом улыбнулся. «Здесь? Сейчас?»
«Да. Здесь и сейчас».

Я включила музыку на телефоне. Медленную, томную мелодию, под которую мы танцевали в ту ночь. Он встал, подошёл ко мне. Обнял. Мы начали двигаться, медленно, плавно.

Его рука на моей талии, моя рука на его плече. Голова на его груди. Я закрыла глаза, вдыхала его запах — знакомый, родной, с новой нотой того сладковатого аромата, который теперь всегда был с ним.

«Я люблю тебя, — прошептал он мне в волосы. — Знаешь, иногда мне кажется, что я любил тебя всегда. Даже до того, как мы встретились».

«Я тоже», — ответила я, и это была чистая правда.

Мы танцевали, пока музыка не закончилась. Потом просто стояли, обнявшись, в тишине.

«Что-то случится сегодня, да?» — спросил он вдруг, не отпуская меня.

Я замерла. «Почему ты так думаешь?»

«Потому что ты ведёшь себя так, будто прощаешься».

Я отстранилась, посмотрела ему в глаза. «А если бы я и правда прощалась?»

Он изучал моё лицо, и в его глазах мелькали разные эмоции — беспокойство, страх, понимание. «Тогда я бы сказал: не уходи. Останься. Всегда».

«Даже если это будет стоить тебе жизни?» — спросила я,

и голос сорвался на шёпот.

Он не ответил сразу. Смотрел на меня, и казалось, что за его глазами идёт борьба. Между тем, что он чувствовал, и тем, что заставляли его чувствовать.

«Да, — сказал он наконец. — Даже тогда».

И в этот момент я увидела это. Настоящее. Вспышку его истинного «я». Такую яркую, такую чистую, что у меня перехватило дыхание.

Он наклонился, поцеловал меня. Медленно, нежно, как в первый раз. И в этом поцелуе было всё — любовь, тоска, прощание.

«Что бы ни случилось, — прошептал он, касаясь лбом моего лба, — помни: ты — лучшее, что было в моей жизни. И если мне суждено потерять всё, пусть я потеряю всё, кроме памяти о тебе».

Слёзы потекли по моим щекам. Я не могла говорить. Просто кивала, прижималась к нему.

Часы пробили десять. Мне нужно было готовиться.

«Мне нужно... принять душ», — сказала я, отстраняясь.

Он кивнул, отпустил меня. «Я подожду здесь».

Я поднялась в ванную, закрыла дверь. Оперлась о раковину, смотрела на своё отражение в зеркале. Женщина в чёрном платье с мокрыми от слёз глазами.

«Ты сможешь, — прошептала я ей. — Ты должна».

Я умылась, поправила макияж. Потом открыла шкафчик, достала маленький бархатный мешочек. В нём было то, что я

приготовила днём — несколько предметов, которые, согласно книге, могли помочь. Свеча из чистой вошины. Щепотка соли. Маленькое серебряное зеркальце — не то волшебное, а простое, но освящённое в церкви год назад.

И письмо. Написанное ему. На случай, если я не вернусь.

Я спустилась вниз. Он сидел на диване, смотрел в окно.

«Я... мне нужно выйти, — сказала я. — Ненадолго».

Он повернулся, посмотрел на меня. «Куда?»

«Просто... пройтись. Подумать».

Он встал, подошёл ко мне. «Позволь мне пойти с тобой».

«Нет, — сказала я слишком резко. Потом мягче: «Мне нужно побыть одной. Немного».

Он смотрел на меня, и в его глазах была такая боль, что мне захотелось всё рассказать. Всё бросить. Остаться.

«Хорошо, — сказал он тихо. — Но будь осторожна. И... возвращайся. Обещай, что возвращаешься».

«Обещаю», — солгала я.

Он поцеловал меня в лоб. «Я буду ждать».

Я вышла на улицу. Ночной воздух был холодным, свежим. Небо ясное, усыпанное звёздами. Город жил своей ночной жизнью — машины, огни, далёкие голоса.

Я шла быстро, не оглядываясь. Боялась, что, если оглянусь, увижу его в окне, и силы оставят меня.

Галерея находилась в двадцати минутах ходьбы. Я шла, и каждый шаг отдавался в висках. Каждый звук казался громким, значимым.

В 23:25 я подошла к служебному входу. Тёмный переулок, мусорные баки, граффити на стенах. Алиса уже ждала, закутанная в тёмный плащ.

«Ты пришла», — сказала она без эмоций.

«Я пришла».

Она достала ключ, открыла дверь. Внутри пахло краской, пылью и тем сладковатым запахом, который теперь преследовал меня.

Мы прошли по тёмному коридору, мимо закрытых дверей. Галерея ночью казалась другим местом — больше, пустыннее, опаснее.

«Они уже здесь», — прошептала Алиса, когда мы вошли в главный зал.

Я посмотрела на картину. Она висела на стене, освещённая единственным emergency-светильником. И казалась... живой. Тени на полотне шевелились, деревья изгибались, фигура в центре будто дышала.

А вокруг картины, в полумраке, стояли люди. Пятеро. Мужчины и женщины. Все молодые, красивые. Все с одинаковыми пустыми глазами. Среди них был тот мужчина, которого я видела днём.

«Узлы сети», — прошептала Алиса. «Каждый из них — поглощённый. Они поддерживают связь между мирами».

«А где... где он?» — спросила я.

«Он придёт. В полночь. Когда граница между мирами станет тоньше».

Я посмотрела на часы. 23:45.

«Что мне делать?»

Алиса указала на центр зала, перед картиной. «Встань там. Когда он придёт, зеркало покажет истину. А ты... ты должна предложить себя. Свою любовь. Свою душу. Как замену».

«И это сработает?»

«Если твоя любовь чиста — да. Теньед предпочтёт свежую, сильную душу той, которую он уже почти поглотил. Он переключится на тебя. А твой возлюбленный... освободится».

«А что будет со мной?»

Алиса посмотрела на меня, и в её глазах было то, что я боялась увидеть — жалость. «Ты станешь тем, чем он должен был стать. Проводником. Но твоя любовь, запертая внутри, станет ядом для теньеда. Он не сможет полностью поглотить тебя. И сеть... разрушится».

Я кивнула. Всё было ясно. Цена — моя душа. Награда — его свобода.

Я подошла к указанному месту, достала зеркало Истины. Оно было холодным, тяжёлым. Книгу я положила рядом на пол.

Ждать.

Тишина в зале была абсолютной. Пятеро поглощённых стояли неподвижно, как статуи. Алиса отошла в тень, наблюдая.

Часы тикали. 23:50. 23:55.

И вот, ровно в полночь, дверь в зал открылась.

Он вошёл.

Не так, как я ожидала. Не как зомби, не как монстр. Он вошёл как он — мой любимый. В том же пиджаке, что был на нём вечером. Лицо спокойное, глаза... пустые.

«Эвелин», — сказал он, и его голос звучал нормально. Только слишком ровно. Без эмоций.

«Я здесь», — ответила я.

Он подошёл ближе. Поглощённые вокруг зашевелились, выстроились в круг. Алиса замерла в тени.

«Ты знаешь, зачем пришла?» — спросил он.

«Знаю».

«И ты готова?»

Я глубоко вдохнула. «Да. Готова».

Он улыбнулся. Та же улыбка, что всегда радовала меня. Теперь она пугала.

«Покажи мне свою любовь», — сказал он. «Всю. Без остатка».

Я подняла зеркало. Направила его на него. И увидела.

Теньед внутри него разросся до невероятных размеров. Он заполнил всё его энергетическое тело, оставив лишь крошечную искру — его истинное «я», запертое где-то глубоко внутри. Искра слабо мерцала, как последняя звезда перед рассветом.

«Я люблю тебя, — начала я, и голос дрожал. — Люблю

не за что-то. Просто люблю. Твою улыбку. Твой смех. Твои руки. Твою душу. Даже ту её часть, которую я никогда не понимала до конца».

Я говорила, и из меня лилось всё — каждое воспоминание, каждое чувство, каждый миг нашей любви. Я говорила о первом поцелуе под дождём. О ночах, когда мы просто лежали и смотрели в потолок, держась за руки. О его привычке напевать под нос, когда готовил. О том, как он морщил нос, когда думал.

Искра внутри него вспыхнула ярче.

«Я люблю тебя даже сейчас, — продолжала я, и слёзы текли по моему лицу. — Даже когда ты не ты. Потому что где-то там, глубоко, ты всё ещё есть. И я верю в тебя. Верю, что ты сможешь вернуться».

Теньед внутри него зашевелился. Он почуял силу моей любви. И захотел её.

«Отдай мне её, — сказал он голосом, который уже не был полностью его. В нём звучали обертоны чего-то древнего, холодного. — Отдай свою любовь. И я отпущу его».

«Обещаешь?» — спросила я.

«Обещаю».

Я закрыла глаза. Сосредоточилась на той искре внутри себя — на любви, которая горела ярче всего остального. На той любви, что готова была на жертву.

«Забери», — прошептала я.

И почувствовала, как что-то отрывается от меня. Не фи-

зически. Глубиннее. Часть моей души. Моей сущности. Моей любви.

Оно потекло к нему. Серебристый поток света, направленный из моего сердца в его.

Теньед внутри него встретил этот поток. Обвил его. Начал впитывать.

И в этот момент всё пошло не так, как планировалось.

Потому что любовь, которую я отдавала, была не чистой жертвой. В ней была примесь. Крошечная, почти незаметная. Страх. Страх потерять его. Страх остаться одной. Страх, что даже если он освободится, мы никогда не будем прежними.

И теньед почувствовал это. Воспользовался этим.

Вместо того чтобы переключиться на меня полностью, он... разделился. Часть его осталась в нём, продолжая удерживать его искру. Другая часть устремилась ко мне, по тому самому потоку любви.

Я почувствовала, как холод проникает в меня. Не физический. Душевный. Как будто что-то тёмное, липкое заполняет пространство, которое только что занимала любовь.

«Нет!» — закричала Алиса из тени. «Он обманул! Он берёт обоих!»

Я попыталась прервать поток, но было поздно. Связь установлена. Теньед теперь был в нас обоих.

Он упал на колени. Его тело сотрясали конвульсии. Из его рта вырвался крик — не его голос, а смесь многих голосов,

древних и ужасных.

А я стояла и чувствовала, как холод расплзается по моей душе. Как эмоции притупляются. Как любовь, ещё секунду назад такая яркая, становится... далёкой. Как воспоминания о наших счастливых моментах теряют краски, становятся чёрно-белыми.

«Что... что происходит?» — прошептала я.

Алиса вышла из тени. Её лицо было искажено ужасом. «Он сильнее, чем я думала. Он научился брать, не отпуская. Теперь он в вас обоих. Вы... связаны. Навсегда».

Я посмотрела на него. Он поднял голову. Его глаза... в одном ещё мелькала искра его истинного «я». В другом уже была пустота.

«Эвелин... — прошептал он его голосом, настоящим. — Прости...»

И его голос прервался. Глаза стали одинаково пустыми.

Он поднялся. Улыбнулся. Та же улыбка, но теперь полностью безжизненная.

«Спасибо, — сказал он тем смешанным голосом. — Теперь у меня есть двое. И ваша связь... ваша любовь... сделает меня ещё сильнее».

Он повернулся к картине. Поднял руку. Поглощённые вокруг зашевелились, загудели низким, монотонным звуком.

Картина ожила полностью. Тени вырвались из полотна, заполнили зал. Деревья на картине изогнулись, образовав арку. И в центре этой арки начало открываться что-то... тём-

ное, бездонное, пульсирующее.

Портал.

«Нет!» — закричала Алиса. Она бросилась вперёд, доставая что-то из кармана — маленький серебряный кинжал.

Но один из поглощённых двинулся, перегородил ей путь. Другой схватил её сзади.

Я стояла и смотрела, как портал открывается. Чувствовала, как холод внутри меня реагирует на него. Как теньед во мне тянется к тому, что находится по ту сторону.

И в этот момент я поняла. Я проиграла. Но не полностью.

Потому что теньед взял мою любовь. Но не всю. Самую глубокую часть — ту, что была чистой жертвой, — он не смог взять. Потому что она была защищена чем-то, что сильнее его.

Надеждой.

Надеждой на то, что даже в самом тёмном месте есть свет. Что даже в самой безнадёжной ситуации есть шанс.

Я посмотрела на него. На пустую оболочку, которая когда-то была моей любовью. И прошептала то, что, как я знала, он уже не услышит:

«Я всё ещё люблю тебя. И я найду способ вернуть тебя. Даже если на это уйдёт вечность».

Портал открылся полностью. Из него хлынула тьма. И в этой тьме что-то шевелилось. Что-то огромное, древнее, голодное.

Оно смотрело на меня. И я чувствовала его взгляд на сво-

ей душе.

«Приходи, — прошептало оно голосом, который был шелестом сухих листьев, скрипом старых костей, эхом забытых слов. — Приходи домой».

И я сделала шаг вперёд. Не потому, что меня тянуло. Потому что я решила.

Если я не могу спасти его снаружи, я спасу его изнутри. Из самого сердца тьмы.

Я вошла в портал. Холод обнял меня. Тьма поглотила.

Последнее, что я увидела перед тем, как всё исчезло, — лицо Алисы, искажённое ужасом и... восхищением.

А потом — ничего.

Только холод. Только тьма. Только любовь, которая теперь была моим единственным светом в вечной ночи.

И где-то там, в глубине тьмы, его искра. Слабая, почти угасшая, но всё ещё живая.

И я шла к ней. Потому что обещала вернуться. И я всегда держу свои обещания.

Часть 6.

Тьма была не просто отсутствием света. Она была субстанцией — вязкой, плотной, дышащей. Она обволакивала меня, проникала в лёгкие вместо воздуха, впитывалась в кожу вместо тепла. Первые мгновения я просто стояла, пытаюсь осознать, куда шагнула. Потом включились другие чувства — те, о существовании которых я не подозревала.

Здесь не было звуков в привычном понимании. Были вибрации — низкие, гудящие, исходящие отовсюду. Они проходили сквозь кости, отзывались в зубной эмали, заставляли внутренние органы сжиматься в такт. И запах... Запах был смесью влажной земли после долгой засухи, гниющего пергамента и чего-то металлического, как медь на языке.

Я медленно повернулась, пытаюсь что-то разглядеть. И постепенно глаза начали адаптироваться. Тьма оказалась не абсолютной. В ней плавали слабые отсветы — фосфоресцирующие пятна, похожие на гнилушки в ночном лесу. Они освещали контуры... чего-то.

Я стояла в коридоре. Стены были не из камня или дерева — они состояли из сплетённых корней, но корни эти были чёрными, блестящими, словно покрытыми смолой. Они медленно шевелились, извиваясь как змеи. Потолка не было видно — он терялся в вышине, откуда свисали такие же корни, образуя нечто вроде занавеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.